

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Знаменитая флейта
крысолова, показав свою
силу в Гамельне, пропала
на долгие века. И вот
страшный инструмент
вновь появился
в наши дни...

Мария СПАССКАЯ

Флейта гамельнского крысолова

Артефакт & Детектив

Мария Спасская

Флейта гамельнского крысолова

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Спасская М.

Флейта гамельнского крысолова / М. Спасская — «Эксмо»,
2017 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-004377-4

Юный крестоносец Йозеф Крафт завладел книгой одного из учеников Пифагора, в которой описывалось, как сделать инструмент для управления человечеством – флейту всевластия. Йозеф посвятил всю жизнь, чтобы создать флейту, но использовать ее не решился, понимая, насколько опасно изобретение. Знаменитый гамельнский крысолов, в руки которого попал инструмент, тоже понял, что волшебная флейта, ведущая за собой, не вернет ему утраченного счастья... Сотрудница страховой компании Берта оказалась вовлечена в расследование кражи огромного алмаза, привезенного на международную выставку. Но она даже представить не могла, что это дело поможет ей приблизиться к разгадке тайны гамельнского крысолова и найти нынешнего хозяина могущественной флейты.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004377-4

© Спасская М., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	34
-----------------------------------	----

Мария Спасская

Флейта гамельнского крысолова

© Спасская М., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Пролог

Москва, сентябрь 1995 года.

Глафира Семеновна не любила утренние часы. Старушка чувствовала себя крайне неуютно, оставаясь одна в большой коммунальной квартире. Или почти одна, разницы не ощущалось. Ведь дома Аркадий или нет, сказать наверняка практически невозможно. А заглядывать к нему лишний раз себе дороже.

Обычно многолюдная и шумная, с восьми часов утра каждый будний день квартира на Покровке превращалась в вымершую пустыню. Тишину просторной кухни нарушал лишь мерный стук воды из протекающего крана да редкий телефонный звонок, что вдруг огласит стопятидесятиметровую коммуналку пронзительным дребезжанием.

Закончив подметать ковровые дорожки, украшающие скромную, в одно окно, комнатку, пенсионерка выплыла в коридор, неся перед собой совок с мусором. Проходя мимо двойных распашных дверей самой большой в квартире комнаты, она остановилась и прижалась ухом к филенке, прислушиваясь. Там, за дверью, должен был быть Аркадий, больной и старый, чужой, по сути, человек – ее муж.

Глафира вышла замуж за соседа в далеком тридцать втором году, сразу же после того, как художника выписали из психиатрической лечебницы, где он провел без малого десять лет. Честно говоря, Глафира соблазнилась комнатой Аркадия. Большой, просторной, тридцатипятиметровой, не то, что ее крошечный чулан, в котором при старом режиме располагался закуток прислуги.

Глафира жила в этой конуренке очень давно, еще с тех пор, когда совсем девчонкой нанялась в дом Вольских помощницей кухарки. Потом кухарка в родах померла, и молоденькая помощница заняла ее место, втайне мечтая женить на себе хозяйского сына своего одноклассника Аркадия. Чтобы приблизить заветную мечту Глафира по делу и без дела ходила по коридору, придевшись и нарумянив щеки. Однако барчук упрямо не желал замечать ни новой сатиновой блузки, вот-вот готовой лопнуть на арбузных Глафириных грудях, ни сшитой из дорогого отреза пышной юбки, выгодно подчеркивающей не слишком-то узкую талию поварихи. Поняв, что ее лицо, веснушчатое и круглое, как перепелиное яйцо, не вызывает в Аркадии никаких эмоций, кроме раздражения, Глафира перестала совершать прогулки по коридору и затаила к барчаку гугучую неприязнь.

Революция уравнила прислугу с хозяевами, и новая власть отдала Глафире ее чулан в полное распоряжение. А со временем получилось и расписаться со свихнувшимся барчуком. Глафира очень надеялась, что рано или поздно ненавистный муж сгинет в психушке, а ей в полное распоряжение достанутся добротная мебель и шикарные хоромы. Но тихое помешательство Аркадия Борисовича каждый раз признавалось докторами не опасным для общества, и художника, подлечив, к огромной досаде жены, отпускали домой. Аркадий возвращался при-

шибленный, смиренный и некоторое время никуда не выходил. Питался он сырой картошкой, воруя ее по ночам у соседей из выставленных на кухне ящиков для овощей.

В войну Аркадий Борисович остался в квартире один, отказавшись уехать в эвакуацию, и, возвращаясь из Ташкента в Москву вместе с сожителем – контуженым танкистом Федором, Глафира надеялась, что законный муженек околел от голода или убит шальной пулей. Но безумец разрушил ее надежды, выйдя на звук открывающейся двери в коридор. Он безмолвно смеялся с Федором долгим пустым взглядом и снова скрылся за двустворчатыми дверями комнаты, которую Глафира так жаждала назвать своей. Они зажили по-соседски, друг другу не мешая и лишней раз стараясь не попадаться на глаза. Федя Аркадия не обижал, держался с ним вежливо, хотя один раз чуть было не дошло до драки.

Глафира вот-вот должна была родить, и бывший танкист отправился к Аркадию, поговорить по-мужски. Просил он немного – всего лишь уступить большую комнату, упирая на то, что Аркадий и Глафира по закону муж и жена, лицевые счета у них объединены, и, следовательно, супруги имеют равные права на обе комнаты. А так как Глафира ждет пополнение, она имеет приоритетные права на более просторное помещение. Аркадий отреагировал на справедливую просьбу возмущенным криком, требуя, чтобы Федор убирался вон. На крик прибежал бухгалтер Кенигсон, занимавший крайнюю комнату у самой двери, он принял сторону Аркадия, обзывая Глафиру бессовестной самкой и обещая написать на Федора заявление в паспортный стол, за то, что тот который год живет у них в квартире без прописки. К Науму Евсеевичу присоединилась еще одна соседка, учительница Люба, и Глафире пришлось отступить.

С Федором они прожили недолго – фронтовик носил в груди осколок мины, стронувшийся с места и задевший сердце. После него остался сын, Илья, парень задиристый и шумный. В восемнадцать лет Илюша привел в их крохотную комнатку беременную жену Машу, а через два месяца сел за разбой. Родившаяся без отца Жанна не вызвала у жавшейся за ширмой бабушки ничего, кроме головной боли и раздражения на упрямого дурачка Аркадия.

Больше полувека блаженный морочил ей голову, а мечта о просторной комнате так и оставалась мечтой. Вспомнив об этом, Глафира даже сплюнула в сердцах, едва не просыпав мусор. Сидит на огромной площади, как сыч, а они должны ютиться в конуре. В общем, как был Аркадий Вольский буржуем, так им и остался.

Шаркая по коридору войлочными тапками, Глафира Семеновна свернула на кухню и двинулась в туалет – спустить в унитаз мусор. Невестка ругала ее за это, рассказывая кошмарную историю, что в их парикмахерской уборщица вот так же систематически выбрасывала замеченные волосы в унитаз, отчего канализация забилась и дерьмо затопило салон. Старуха лишь усмехалась про себя. Ишь, умная нашлась! Лучше всех все знает, а сама живет у нее в приживалках.

От резкого телефонного звонка Глафира даже вздрогнула. По коридору доковыляла до выкрашенной зеленой краской стены и, протянув трясущуюся руку, ухватила черную матовую трубку висящего над стулом аппарата. Прижав к мясистому уху холодную пластмассу, звонко выкрикнула в мембрану:

– Слушаю!

На том конце провода раздавался гул, и приглушенный помехами голос участкового Лукьянова проговорил:

– Глафира Семеновна, вы дома?

– За хлебом собиралась уйти, – недовольно откликнулась старуха.

– Повремените с полчаса, я Аркадия Борисовича привезу. У аптеки подобрал, он опять к прохожим с рассказами лезет.

Рассказы, о которых говорил участковый, всегда были одними и теми же. Про сатира, который мечтал создать рай на земле, но лишился волшебной флейты и завел людей в ад.

Метафоричность повествования спасала слабоумного от немедленной госпитализации, ибо, назови Аркадий вещи своими именами, его бы упекли в психушку на веки вечные.

– Нечего сюда его везти, тащите в лечебницу! – потребовала Глафира.

– Я пробовал. Не принимают, – грустно поведала трубка. – Доктор говорит, у них все палаты переполнены, а Аркадий Борисович не опасен. Достаточно запереть его в комнате и никуда не выпускать.

– Попробуй, запри его, тут же защитнички сыщутся, – сердито пробурчала старуха, косясь на двери Кенигсонов.

– Так я привезу товарища Вольского?

– Вези, чего уж там. Так и быть. Открою.

Глафира Семеновна еще тянулась к рычажкам телефона, намереваясь положить на место трубку, когда в замке загремели ключи, распахнулась дверь, и в квартиру вбежали две девочки одного возраста – Глафирина внучка Жанна и соседская Лада Кенигсон.

– Жанка, чего так поздно? – недовольно глянув на внучку, осведомилась Глафира.

За Жанну ответила бойкая Лада, пробегая к своей комнате и отпирая запертую дверь привязанным на шее ключом.

– Мы на дополнительные занятия по русскому оставались, баб Глаш.

– Тебя не спросили, егоза! – оборвала внучку бухгалтера обиженная на него старуха. И, следуя за Жанной по коридору, назидательно говорила: – Я за хлебом вниз пойду, а ты деду дверь открой. – И не без ехидства добавила: – Его благородие в персональной карете сейчас доставят. Опять приставал у аптеки к людям. Вы-то с Ладкой чего ж не купили ему боярышника? Пятаков не накопили?

Единственные, с кем Аркадий Борисович общался, были дети из коммуналки – Жанна и Лада. А также их одноклассница Надюша Руева из дома напротив. Это только считалось, что девочки дружат втроем. На самом же деле дружили соседки по квартире, во время ссор используя наивную Надежду для усиления конфронтации против неприятельницы.

Лада умело манипулировала обеими девочками, снисходительно глядя, как между соперницами разыгрывается битва за ее дружбу. Отец Лады заведовал рыбным магазином, и в холодильнике Кенигсонов водились такие вкусности, о которых малоимущие одноклассницы даже не слышали. Чтобы держать подруг на коротком поводке, Лада время от времени приглашала к себе то одну, то другую, и угощала чем-нибудь изумительным.

Чтобы не пропустить момент ссоры между соседками и оказаться в нужное время в нужном месте, Надюша все время крутилась в их квартире, предусмотрительно имея при себе настойку боярышника. В период ремиссии старика Вольского привлекала именно эта настойка, которую чудаки употребляли внутрь, считая панацеей от всех болезней. Крохотную пенсию по инвалидности Аркадий Борисович тратил в первые три дня и потом упрашивал соседей приобрести ему в аптеке заветный препарат. За это дарил какую-нибудь безделушку из своей захлавленной антикварной мебелью и раритетными книгами комнаты.

В расчете на подарок девочки часто заглядывали к старику с настойкой в кармане. И каждой из них Аркадий Борисович рассказывал про волшебную флейту – доминатон, – с помощью которой можно покорить весь мир. Еще старик говорил о вере пифагорийцев в переселение душ, а также о том, что когда-нибудь он, Аркадий Вольский, родится в пушистом кошачьем теле. В конце путаного монолога старик поворачивался к сидевшей рядом с ним девчонке, кто бы то ни была – Жанна, Лада, Надежда, – и проникновенно говорил, глядя на собеседницу диковинными разноцветными глазами – одним янтарным, вторым серым, таким прозрачным, как будто его и вовсе не было:

– Только тебе я готов открыть секрет тайника, в котором хранится волшебная флейта. Только ты, моя хорошая, сможешь распорядиться доминатоном с умом. Никто не знает, где тайник. Один я знаю.

И Аркадий Борисович тихонько смеялся, хитро грозя кому-то пальцем. Дети рассуждения безумца почти не слушали, рассматривая выменянную на настойку боярышника безделушку с каминной полки и мечтая поскорее унести добычу к себе и спрятать в надежное место, чтобы не увидели родители и не замучили расспросами, откуда это сокровище взялось. Да и Глафира Семеновна не одобряла, когда вещи, пусть даже маленькие фигурки, раздавались кому ни попадя, ибо считала себя полноправной хозяйкой всего, что находится в комнате Вольского.

Во время отлучек Аркадия по больницам Глафира частенько навещала в желанную комнату и расхаживала среди давно знакомых вещей, к которым привыкла еще со времен своей службы кухаркой. Она приехала в Москву голоногой девчонкой, такой вот, как сейчас Жанка, и сердобольный односельчанин помог пристроиться на службу к благородным господам.

Несмотря на то что прошло почти семьдесят лет, Глафира отлично помнила бархатный диван с упругими валиками, высокие книжные шкафы, где кроме книг стояло еще и множество статуэток со всех частей света. Помнила украшенный изразцовой лепниной камин, и добротный круглый стол под ажурной скатертью, и оранжевый абажур с кистями, по вечерам уютно отбрасывающий на стол колеблющийся круг света.

– Ба, что у нас на обед? Я есть хочу, – выводила старуху из задумчивости, затянула Жанна.

– У Ладки поешь, – буркнула Глафира. – Я еще не готовила. Кенигсоны вчера суп из осетрины варили. Мы-то небось такой суп себе не варим.

– Ларкин отец говорит, у тебя пенсия хорошая и что ты просто приbedняешься.

– Типун на его поганый язык! – запримчала старуха. – Хорошо ему рассуждать, в директорском кабинете прохлаждаясь! А я всю жизнь на фабрике-кухне, в пару горбатилась! Варикозку вон заработала и опущение матки нажила! Чужие деньги все считать умеют. А как тарелку супа налить – нету их! Ладно, хлеба куплю и съезжу на Бауманский рынок, костей на рагу возьму.

Охая, Глафира Семеновна пошла собираться. Долго копалась в шифоньере, перебирая купленные у спекулянтов тряпки, принесенные из парикмахерской невесткой, и наконец, тихонько причитая, вышла из комнаты, в широкой вареной юбке, кофте с люрексом и подвязанной на голове газовой косынке. В руке она держала полиэтиленовый пакет с портретом группы «Dereche mode».

– Жанка, змея, ты где? – на весь коридор заголосила старуха. – А ну иди сюда, паразитка такая!

Жанна вышла на зов и застыла в дверях Ладиной комнаты.

– Ну, чего тебе, ба? – недовольно насупилась она.

– Иди, раз зовут, – прикрикнула бабка.

– Что еще?

– Деда привезут, запри его, слышишь? Если опять уйдет – жопу надеру!

Жанна стояла, разглядывая седой дубовый паркет, выцветший от частого мытья и отсутствия мастики.

– Чего молчишь? Поняла или нет?

– Поняла! – огрызнулась девочка.

– То-то же! Норовистая какая. Смотри у меня.

Глафира сурово поджала тонкие синие губы и побрела на выход. Открыла входную дверь и отшатнулась – перед дверью переминалась с ноги на ногу Надюшка, не решаясь позвонить в квартиру. Маленькая и кругленькая, в школьном платье, ставшем коротким еще в прошлом году, девочка стояла в раздумьях, и старуха обрушила гнев на нее.

– Чего тут встала? Пришла, так проходи! Не стой, как истуканка!

Надежда смутилась и, пробормотав что-то невнятное, шмыгнула в квартиру. Пробежала по коридору до комнаты Лады и, потянув на себя дверь, заглянула внутрь. Подружки сидели у трюмо и заплетали косы.

– Красоту наводите? – широко улыбнулась Надежда.

– Тебе не поможет, – отмахнулась Жанна.

– Я математику делать пришла. Какой номер задачи? Лад, ты записала? – пропуская подкол мимо ушей, деловито осведомилась девочка, направляясь к столу.

– Сорок вторая, сорок третья и сорок пятая, – глядя в раскрытый дневник, принялась загибать пальцы Лада, на голове которой подруга возводила вавилоны.

Звонок в дверь заставил детей замереть. А через секунду, вспомнив наказ бабушки, Жанна бросила расческу и кинулась в коридор, открывать dedu. За дверью, пошатываясь и улыбаясь, стоял высокий сухой старик, согнутый в верхней части спины так, что напоминал вопросительный знак. Рядом с ним скучал участковый. Увидев в дверях девочку, участковый насупил брови и сурово спросил:

– Из взрослых дома есть кто?

– Нету, – шмыгнула носом Жанна. – Бабушка мне велела отпереть.

– Тогда уведи деда в комнату, закрой на ключ и не выпускай, – сказал милиционер. И для острастки пригрозил: – Если старик уйдет на улицу, ты будешь отвечать! Так и знай, посажу на пятнадцать суток!

– Меня-то за что?

– За то, что не выполняешь распоряжение участкового. Веди уже! – Он подтолкнул Вольского в сутулую спину.

Старик перешагнул через порог и, мелко перебирая ногами, потрусил в свою комнату. Жанна понуро плелась за ним. Безумец долго возился с ключами, отпирая закрытые на замок двери, затем вошел к себе, но на ключ не заперся.

– Дед, дай ключ, я тебя закрою, – стоя в коридоре, повысила голос Жанна, чтобы было слышно в комнате.

Но, так и не получив ответа, постояла под дверью и пошла к Ладe. Девочки сидели за столом, голова к голове склонившись над книгой.

Надюша обернулась и с плохо скрываемой гордостью сообщила:

– Пока тебя не было, мы две задачки решили.

– Подумаешь! – ревниво фыркнула Жанна. И, прищурившись, с презрением протянула: – Это Ладка решила, а ты тут ни при чем. Такие идиотки, как ты, Надь, вообще ничего решить не могут. Ты не только уродина, но еще и полная дура!

Обиженно засопев, Надежда поднялась со стула и деревянной походкой вышла из комнаты.

– Что-то Надюшки долго нет, – дразня подругу, минут через пять с деланным безразличием проговорила Лада.

– У деда небось торчит. И чего вы все к нему ходите, не понимаю, – зло выдохнула Жанна. – Это мой дед, а не ваш.

– Ой, не могу! Он тебе такой же дед, как и нам с Надюшкой!

– Это я не могу! Все Надюшка да Надюшка! Надоело! Думаешь, Аркадий Борисович вам тайник покажет? Держи карман шире!

– Да нет никакого тайника, слушай его больше!

– А вот и есть! Я один раз сама кое-что видела, а тебе не скажу! Целуйся со своей Надюшкой!

Жанна поднялась с дивана, вышла, с вызовом хлопнув соседской дверью, прошла по коридору и, остановившись у комнаты деда, прижалась ухом к филенчатой двери. В комнате

стояла тишина. Немного послушав, девочка потянула на себя створку и заглянула внутрь. Дед сидел в кресле, перед ним в рядок стояли три непочатых пузырька с настойкой боярышника.

– Дед, можно войти? – спросила Жанна.

Старик не шевельнулся. Жанна приблизилась к нему и тронула за коричневую руку в выпирающих корнях фиолетовых вен. Рука безжизненно скользнула с подлокотника. Девочка испуганно отшатнулась – Аркадий Борисович был мертв.

– Ладка! – не своим голосом закричала Жанна. – Ладка, иди скорее сюда! Дед умер!

На ее крик прибежала Лада, а в следующий момент заглянула и вернувшаяся с рынка Глафира Семеновна.

– Ну, надо же, горе какое! – всплеснула руками старуха. – Во дворе бабы болтали, в этом году квартиры всем очередникам дадут. Очень не вовремя дурак мой умер, – сокрушенно качала она головой, прохаживаясь между горкой с йенским фарфором и пятистворчатым резным шкафом с изображением сцен псовой охоты на оленя. – Хоть бы квадратные метры на него получили, а теперь чего? В комнате этой проклятушей так и не пожила, только нянчилась с блаженным дурачком всю жизнь. Жанка, какого черта стоишь как пришитая? – прикрикнула она на внучку.

– А чего делать-то надо? – встрепелась девочка.

– Звони в милицию, участковому.

– Ну, позвоню я. И чего скажу?

– Говори, что отмучились мы. Преставился Аркадий Борисович Вольский.

– Помер, чтобы переродиться в кота, – хихикнула девочка, но увесистый подзатыльник заставил ее прикусить язык.

* * *

Закавказский военный округ.

Зона антитеррористической операции, 2007 г.

Дорога темнела извилистой лентой, лишь изредка освещаемая тусклым серпом луны. Стараясь ступать неслышно, он шел по обочине, и под тяжельми подошвами берцев предательски громко хрустели куски бетона, обломки кирпича и осколки разорвавшихся снарядов. В кармане защитной куртки завибрировала рация – отправляясь в ларек за водкой, звуковой сигнал он благоразумно отключил. Вытянув прибор непослушными пальцами, чуть слышно ответил:

– Термит на связи. Прием.

– Ты че, блин, Термит, долго там валандаться будешь?

– Скоро приду, товарищ командир.

– Давай быстрее! А то сейчас Марчик вернется, и будет нам кирдык.

Все в части знали, что полковник Марчиков почти каждый вечер навещает директорию клуба, и пользовались его отлучками для того, чтобы по-быстрому сгонять за водкой, отрядив в самоволку младшего по званию. В данном случае Термита. К своему позывному парень привык и не только не обижался, но даже гордился им. Получил он его после того, как виртуозно вскрыл коробку с консервными банками и выел тушенку, фактически не повредив упаковку. Глядя на ювелирную работу вновь прибывшего контрактника, прапорщик хмуро протянул:

– Вот так, блин, и термиты сжирают дома. Вроде стоит деревянный исполин, целехонький, а дует на него ветром – дом и развалится. Потому что это не дом уже, а видимость одна. Так же, как эта коробка с тушенкой. Будешь зваться, тварь прожорливая, Термит. И попробуй только сменить позывной.

Термит так Термит. Следуя привычке во всем доходить до сути, он внимательно изучил в интернете все имеющиеся материалы о термитах и термитниках, и пришел к выводу, что насекомое это достойно уважения. Вне всякого сомнения, за этим тараканообразным с неполным превращением стоит будущее. Ибо общественная организация их так стройна и упорядоченна, что даст фору любому человеческому обществу. Себя он видел Термитом-солдатом, защищающим колонию от внешней агрессии.

И шел он по дороге не просто так, а смотрел по сторонам. Как только заметит свет в каком-нибудь окне, тут же подкрадется к дому, перемахнет через калитку, проберется внутрь и всех – стариков, детей, баб тупых, безмозглых, – передупит специальной веревкой, скрученной особенной десантной петлей. Когда-то давно Термит мечтал попасть в десантные войска, для чего и выучился еще в школе вязать специальные узлы, но взяли только в пехоту, зато теперь он служит по контракту и служит хорошо. Мышь мимо не проишьгнет, не то что враг.

Он ликвидирует их тихо, четко, без шума и паники, одного за другим, так, чтобы и пикнуть не успели. Потому что от них и есть самое настоящее зло. Все добрые люди уже спят, а эти привечают бандитов, кормят, поят, ибо ушедшие в горы подонки – их родственники, и по-другому эти якобы мирные граждане поступить не могут. Поэтому стариков, детей и глупых баб лучше устранить, чтобы некому было принимать спустившихся с гор абреков.

Термит отошел от очередного дома, где только что ликвидировал очередной возможный притон бандформирования, и, убирая веревку в карман, почувствовал, как снова вибрирует рация.

– Термит на связи. Прием.

– Да блин, Термит! Где тебя, дебила, носит? Тебя только за смертью посылать!

За смертью. Это верно. Со смертью Термит на короткой ноге. Он ходит с ней рука об руку. Его сердце не учащает удары, когда Термит сеет вокруг себя смерть. Ведь он солдат, солдат-термит, и должен устранять врагов колонии. Что он и делает. Он просто выполняет свой долг.

– Где водка, гад? Марчик вот-вот приедет!

– Сейчас принесу, – бесстрастно отозвался Термит, нажимая отбой.

Он свернул к поселковому лабазу и у ворот увидел мотоцикл Марчика. И в следующий момент силуэт командира воинской части мелькнул в освещенном проеме окна жилого дома владельца лавочки, после чего в окне показалась закутанная в черное хозяйка, торопливо задергивая шторы. Неслышно ступая, Термит прошел мимо глухо заворчавшей собаки, так и не сделавшей в его сторону ни единого движения, приблизился к дому барыги и замер под распахнутым окном, прислушиваясь.

– Патроны нам нужны, сам знаешь, воевать парням в горах совсем нечем, – глухо говорил торгош. – Но цену, полковник, назови разумную! Таких денег, как ты просишь, мы и за год не соберем.

– Не хотите – как хотите, – безразлично протянул Марчиков, и Термит услышал, как зазвенело сгребаемое в пакет железо. – Ты, Ахмет, понимать должен, чем я рискую. Деньги что? Мусор! Как пришли, так и уйдут, жалеть их нечего. А вот эти самые патроны я у своих солдат забираю. Эти пули должны были попасть в твоих сыновей, а убьют моих ребят. Я тебе жизнь твоих детей принес, а ты деньги жалеешь. Если узнают, что продаю боеприпасы, а тем более кому продаю, пойду под трибунал.

«Не пойдешь», – про себя усмехнулся Термит, доставая из кармана заветную веревку и отходя к плетню, около которого привалился мотоцикл полковника. Занял позицию чуть в стороне, под раскидистым грецким орехом, и, перехватив удавку на изготовку, приготовился ждать. Марчик был враг, враг внутренний, подтачивающий термитник изнутри.

Прямая угроза колонии, и выход тут был один – устранить предателя.

Ждать пришлось недолго. Скрипнули дверные петли, выпуская на крыльцо квадрат желтого света, в котором показался темный силуэт полковника Марчикова. Хлопнула, закрываясь, дверь. Заскрипели по гравиевой дорожке тяжелые шаги, и, напевая под нос что-то бравадное, командир воинской части устремился к мотоциклу. Но дойти до транспортного средства так и не успел, опрокинутый на спину подскочившим сзади Термитом, сдавившим шею неприятеля мертвой петлей. Марчик вскрикнул и, дернувшись, затих. Термит обыскал карманы, извлек из форменных полковничьих брюк пачку евро, вынул из багажной сумки мотоцикла три бутылки водки и тенью скользнул в сторону военного городка.

Смерть командира списали на бандитов, заодно похитившихся и с мирными жителями, не желающими им помогать. То, что орудовали удавкой, тоже было вполне объяснимо – у засевших в горах бандформирований мало патронов, они их берегут и стараются не тратить без крайней нужды. Всех немало удивило, что убийство полковника пытается взять на себя Термит, в доказательство предъявивший инсур от парашютной стропы. Само собой, парнишку пришлось комиссовать, поместив в лечебницу, где, как очень надеялись сослуживцы, неплохому, в принципе, парню вправят мозги на место.

* * *

Москва, наши дни

– Ну-с, и что мы имеем в сухом остатке? – Следователь Захарчук сосредоточенно почесал гладкий лоснящийся лоб и вскинул на нас с Сириным водянистые глаза в кровавых прожилках. – Сердечный приступ при ограблении. И, что особенно радует, – следователь довольно пожевал губами, – мы имеем в наличии грабителя.

– Нет.

Роман Сирин лениво поднялся и подошел к следователю.

– Ни разу нет, – добавил он, не отводя пристального взгляда от одутловатого лица бывшего сослуживца.

– Чего нет-то? – насупился Захарчук.

– Не имеем мы грабителя, Алеша. Адвокат Михаила Девочкина двумя руками ухватится за полное отсутствие у следствия прямых улик. Ни пальчиков на предметах интерьера, ни следов пребывания обвиняемого в комнате убитого. Ни-че-го. Лишь только твое горячее желание как можно скорее спихнуть дело в суд и укатать бедолагу лет на десять.

– Что это ты горой стоишь за этого Девочкина? – прищурился следователь. – Он тебе денег дал?

Не в силах удержаться, я прыснула в кулак. Я знаю Рому Сирина так же хорошо, как и саму себя, и подобное утверждение мне показалось бредом. Рома и взятка – понятия несовместимые. Нет, взятки Рома, конечно, давал, это было. Но чтобы брать? Хихикнула и тут же притихла, поймав на себе разъяренный взгляд следователя.

– Я с Девочкиным не разговаривал, – сухо обронил Сирин.

– Это ничего не значит. – От злости Захарчук слова буквально выплевывал. – Ты мог пообщаться с его родней и получить деньги от них.

– За что?

– Как за что? За то, что ты заморочишь мне голову и убедишь в невиновности их родственника. А уголовник в благодарность тебе шепнет, где припрятал похищенный камушек.

– Зачем это Девочкин сдаст мне камень? – удивился Сирин. – Разве для этого он его воровал?

– Чтобы выйти на свободу, не только камушек, маму родную сдашь. Раз уж не получилось выбраться сухим из воды. Девочкин еще украдет, а ты вернешь пропажу страховой компании, и все будут довольны.

Камушек, о котором велась речь, был увесистым алмазом в пятьсот сорок карат, оцененным страховой компанией в приличную сумму и за свои размеры и чистоту именовавшимся «Уникумом». «Уникум» принадлежал корпорации «Архангельские алмазы» и приехал в Москву на международную выставку в чемодане Петра Архарова, числящегося заместителем генерального директора архангельской корпорации. Все это мы с Сириным узнали сегодня утром, когда тащились по Москве в пробках к управлению полиции. Сидя за рулем белоснежного, любовно намытого «Вольво», представитель страховой компании деловито вещал:

– Все в этом деле странно. Выставка проходит в Манеже, и номер у Архарова был забронирован в «Национале», что довольно близко к месту проведения мероприятия. Не понимаю, какая нелегкая понесла господина Архарова в паршивенький отель на Чистых прудах?

Паршивенький – неправильное слово. Скорее – отель скромный. К тому же, как по мне, Чистые пруды – одно из красивейших мест столицы, так что, в принципе, я господина Архарова понимаю. Хотя, конечно, в плане охраны «Националь» надежнее. Но, судя по всему, Архаров не придавал значения таким пустякам, как безопасность, и, манкируя «Националем», для чего-то арендовал самый лучший номер в скромном отеле на Чистых прудах. Куда в день прибытия в Москву и заселился, чтобы рано утром быть обнаруженным в том же самом номере с разрывом сердца и без алмаза.

По странному стечению обстоятельств все номера в «Отеле на Покровке», кроме одного, архаровского, в ту роковую ночь оказались свободны, и по подозрению в убийстве был задержан Михаил Девочкин, ночевавший у девушки-администратора. Из улик на Девочкина имелась лишь видеозапись с камеры наблюдения, установленной над входом в отель, где четко видно, что подозреваемый был впущен в отель в девять часов вечера, а вышел оттуда в пять утра. Даже не вышел, а выбежал, точно за ним по пятам гнались черти.

Задержали Девочкина в том же доме, где находится отель. Парень отсыпался в снимаемой комнате коммунальной квартиры, расположенной на третьем этаже старинной четырехэтажной постройки, и, будучи сильно нетрезв, не сразу понял, чего от него хотят и в чем обвиняют. Он долго хлопал глазами, силясь понять казенную речь пришедшего за ним полицейского сержанта, потом махнул рукой и дал себя доставить в полицейское управление, куда и привез нас представитель страховщика.

– Почему-то мне кажется, – дорогой тянул страховщик, – что этот парень, которого задержала полиция, к пропаже алмаза не причастен. Как-то все линейно получается. Раз ночевал в отеле – значит, он и украл. Слишком просто, чтобы быть правдой. Вы уж разберитесь, как там и что.

Само собой, разберемся. Это наша работа. «Сирин и Хренов» для того и существуют, чтобы, по возможности, избавлять обращающиеся к нам за помощью страховые фирмы от необходимости выплачивать огромные суммы потерпевшей стороне. В идеале, конечно, было бы найти утраченную по страховому случаю вещь, но это не всегда удается, хотя мы и стараемся. И в результате наших стараний нередко раскрываем аферы, затеянные потерпевшей стороной с целью получения страховой выплаты.

В общем, польза от нашей фирмы довольно ощутимая, и в сомнительных или странных случаях страховые компании, не скупясь на вознаграждение, охотно прибегают к нашим услугам. Тем более что шеф, Хренов Владимир Ильич, вместе с коллегой Ромой Сириным – некогда трудились в полиции, сохранили связи и имеют богатейший опыт розыскной работы. Ну а я, Берта Лисанге, состою у этих гениев сыска на должности помощницы.

– Ну, ты, Захарчук, и загнул, – желчно усмехнулся Сири́н. – Можешь присутствовать при нашей беседе и внимательно следить, чтобы Девочки́н мне ничего не нашептал. – И другим, задушевным голосом попросил: – Лешка, не вредничай, ну дай пообщаться с задержанным!

С заговорщицким видом Сири́н достал из внутреннего кармана куртки пятитысячную купюру и запустил ее, точно камешек по воде, по столешнице в сторону капитана.

– Ну что ты за человек, Роман? – тревожно озираясь по сторонам и вытирая влажной салфеткой покрывшийся испариной лоб, пробурчал следо́ватель, открывая ящик письменного стола, ловко принимая в него бумажку и тут же задвигая ящик обратно. – Чего ты все время лезешь в какие-то дебри? Не хуже меня ведь знаешь, что самый очевидный подозреваемый почти всегда оказывается преступником.

– Есть такое дело, – сдержанно кивнул мой коллега.

– Ну и о чем с ним разговаривать?

– Я найду о чем побеседовать. – Сири́н ласково посмотрел на Захарчука и поднялся со стула. – Пойдем, Лешенька, а?

– Ладно, что с тобой поделать.

Вставая, следо́ватель грохнул стулом, выбрался из-за стола и устремился к выходу из кабинета. За ним встала и я. Большой и грузный, Захарчук шел впереди, и ветхое здание управления полиции, расположенное в старинном двухэтажном особнячке на узкой московской улочке, ходило ходуном под его тяжелыми шагами. Задевая форменными ботинками о стыки вытертого линолеума, Алексей приблизился к лестнице и, спускаясь вниз, застучал каблуками по деревянным ступеням. Мы с Романом спешили за ним. Здесь, на первом этаже, за железной дверью, установленной на источенной жучком деревянной коробке, из-за проржавевшей от времени стальной решетки прямо мне в душу смотрели две пары тоскливых глаз. Хотя нет. Тоскливыми были лишь глаза белобрысого парнишки лет тридцати. Глаза второго обитателя «обезьянника» казались скорее нахальными.

– Эй, начальник, че за беспредел? – тут же затянул нахальный оборванец. – За что меня здесь держат? В общественном сортире находиться никому не запрещено.

– Ты там не находился, Кошкин, ты там жил. Уборщица на тебя заявление написала. Ты кабинку занял и трое суток оттуда не вылезал. Обложился книгами, постелил на пол рванину всякую и жил.

– Я заплатил за пребывание! Двадцать кровных рублей! По закону меня не имеют права выгонять! Я могу находиться в кабинке столько, сколько мне нужно!

– Заткнись, Кошкин! – гремя ключами в замке, огрызнулся следо́ватель. – Разговор окончен.

– Совсем, пес, нюх потерял? – вскинулся задержанный. – Я свои права знаю! Предъявляй обвинение или отпусти!

– Я смотрю, ты слишком грамотный стал. Семьдесят два часа как миленький у меня отсидишь.

– За что, начальник? – сбавив обороты, занял Кошкин.

– За неуважительное обращение к представителю власти и за хамские речи, – наставительно заметил Захарчук. И, кивнув белобрысому, указал глазами на дверь, коротко распорядившись: – А вы, Девочки́н, на выход.

– Итить-колотить, пацанчик откупился! – ехидно заметил житель сортира. – По морде видно, бабла у него куры не клюют.

Это была ложь. Бледное, осунувшееся лицо Девочки́на вовсе не походило на гладкую физиономию олигарха. Понуро свесив голову, Михаил, ссутулившись, двинулся за следо́вателем. На нас с Романом он даже не посмотрел. В переговорной комнате задержанный опустился на указанный стул и стал покорно ждать. Напротив, через оббитый железом стол, уселся Сири́н, рядом с ним развалился следо́ватель Захарчук, а я застыла в уголке у дверей, стараясь не

привлекать к себе ненужного внимания. Рома положил перед собой прихваченную на всякий случай пачку сигарет, кинув рядом зажигалку, и, глядя, как Девочкин торопливо достает из пачки сигарету, проговорил:

– Только честно, Михаил. Без вранья. Расскажи, как ты провел прошлую ночь.

Парень затаился и, выпуская сквозь мясистые ноздри курного носа дым, с заметным оканьем угрюмо проговорил:

– Я у Оксаны был. В гостинице над магазином.

– Насколько я понимаю, ты работаешь в подвале дома девятнадцать по улице Покровка?

– Ну да, продавцом в хозяйственном отделе, это между «Домом быта» и «Секонд-хендом», – кивнул парень. – По очереди с Анжелкой торгуем хозтоварами.

– И снимаешь в этом же доме комнату? – продолжал прояснять ситуацию Сирин.

– Ну да, снимаю. В коммуналке у бабы Вали на третьем этаже. Она мне дешево сдала, за десять тысяч всего. Я, как дурак, сначала обрадовался, а потом понял, что бабка хочет пристроить замуж свою дочь. Понял, да поздно. Деваться уже некуда. Оплатил полгода вперед. Теперь живу, мучаюсь.

– Почему же мучаешься?

– Старуха контролирует каждый мой шаг. Следит, чтобы никого к себе не водил, особенно Оксану. Один раз Оксана ко мне заглянула, так бабка такой крик подняла – я думал, дом развалится.

– Поэтому ты и пришел к ней на ночь в отель?

– А что здесь такого? Я предложение Оксане сделал. Она не против. Только вот жить нам негде. Оксана тоже комнату снимает. С двумя подругами в соседнем доме.

– Ну, хорошо. Пришел ты к Оксане в отель в девять часов ровно. Это задокументировано. Что было дальше?

Парень зло глянул на Сирина, порывисто затушил окурок о неровное железо стола и жестко спросил:

– Вам как рассказывать? Со всеми подробностями? Или особо интимные можно опустить?

Я смотрела на Рому, не отрываясь. Ни один мускул не дрогнул на его точно из стали отлитом лице.

– Мне интимные подробности без надобности, – устало парировал он. – Важны последовательность событий и хронометраж.

– А вы вообще кто такой, чтобы меня допрашивать? – принялся кипятиться продавец хозяйственных товаров.

Рома посмотрел сквозь собеседника и скучным голосом заговорил:

– Роман Сирин, представляю интересы компании, застраховавшей пропавший алмаз. А это, – Рома кивнул в сторону двери, – Берта Лисанге, моя помощница. Следователя Захарчука, надеюсь, представлять не требуется. Полагаю, ты с ним уже знаком.

Во время речи Сирина задержанный как-то обмяк на своем стуле и потухшим голосом, лишенным прежнего напряжения, без выражения начал, доставая новую сигарету из пачки:

– Я закрыл свой отдел и поднялся к Оксане...

– Ты последним из подвала ушел? Остальные арендаторы закрылись раньше?

– Нет, в «Секонд-хенде» еще Нинка оставалась. У нее был какой-то мужик. Они говорили, смеялись и, кажется, выпивали. Он тосты вроде произносил. За то, чтобы все у них было и ничего им за это не было. Или что-то в этом роде.

– Значит, ты закрыл свой отдел ровно в двадцать один ноль пять...

– Ну да. И сразу же пришел к Оксане, она повела меня на кухню, посадила за стол и стала кормить. Я удивился – обычно хозяйка не разрешает Оксане есть на кухне. Противная она, хозяйка эта. Я, естественно, спросил, с чего бы это мне такая честь. Оксана сказала, что

постоялец в гостинице всего один, он на кухню не заходит, ест в соседнем «Гамбринусе». Тогда я спросил про видеокamеры. Она ответила, что камеры выключила, чтобы не светиться. Если что, скажет – в сети что-то замкнуло.

– А что, уже замыкало?

– Да, проводка старая, все время что-то выходит из строя. Я поел, и Оксана повела меня в свободную комнату. Мы заперлись и это... Того... Ну, вы понимаете. А потом поругались. Я оделся и ушел.

– Из-за чего поругались?

– Так, не из-за чего.

– А все-таки?

– Ревную я ее. К ней клеится Марк, хозяин «Гамбринуса». Старый козел! Таскает ей духи и зазывает к себе в кабак. Я ей запретил брать от него подачки, а тут Оксанка призналась, что взяла духи. Вот и поругались. И чего поругались? Какой с нее спрос! Она женщина, ей хочется хорошо выглядеть! А мне обидно. Я пока мало зарабатываю, дорогие подарки делать не могу. Аренда жилья, зарплата мизерная. Денег совсем немного. Но я для Оксаны готов расшибиться в лепешку. А она смеется. Говорит, что я пока еще ей никто и запрещать не имею права.

– В сложившейся ситуации алмазик Архарова пришелся как нельзя более кстати, – подал голос Захарчук. И угрожающе сдвинул к переносице белесые брови: – Все равно мы до истины докопаемся. Лучше сам расскажи, как Архарова грабил.

Я увидела, как изменилось круглое лицо Девочкина, разом окаменев. Рома ткнул бывшего сослуживца под столом кулаком в жирную ляжку и, обращаясь к задержанному, миролюбиво продолжил:

– Лично я не верю, что это ты, Михаил, довел потерпевшего до сердечного приступа и ограбил. И чтобы помочь построить доказательную базу твоей невиновности, я должен знать обо всем, что произошло в ночь преступления.

– Ну, что произошло? – вяло протянул парень. – Наорал я на Оксанку, оделся и вышел из отеля.

– В отеле было тихо?

– Когда уходил – да.

– В смысле?

– Минут за десять до того, как я ушел, в номере постояльца что-то загрохотало. А когда я вышел из номера – было уже тихо.

– На что был похож грохот?

– Как будто кто-то вскрикнул и упал. Оксана еще хотела сходить, посмотреть, все ли с гостем в порядке, но я ее не пустил.

– Почему же?

– Здоровенный мужик за сорок, что с ним могло случиться? Мало ли, как он развлекается.

– Ну, хорошо. Вышел ты из отеля. И куда пошел?

– За водкой. В круглосуточный на углу.

– После одиннадцати вам продали водку? – Следователь недоверчиво вскинул покрытую бисеринками пота бровь.

– Продали, только вряд ли в этом признаются.

– Дальше.

– А что дальше-то? Выпил на лавочке у пруда и пошел домой. Спать.

– Квартирная хозяйка сможет подтвердить?

– А кто ее знает? Если захочет – подтвердит. Не захочет – не станет.

– Вранье чистой воды! – хлопнул ладонью по столу Захарчук, весело глянув на Романа. – Про водку никто не подтвердит, про то, во сколько вернулся домой, – тоже. В общем, не алиби,

а пустое место. Чаще всего у преступников так и бывает. Уверен, что, если спросить Оксану Стаценко, она тоже ничего не станет подтверждать. Кстати, я вызвал ее повесткой назавтра.

– Только Оксану не впутывайте, – заволновался задержанный.

– Не надо, гражданин Девочкин, учить меня работать. Без вас разберемся, – сурово отрезал следователь.

– Спасибо, Леш, – проговорил Сирина, вставая из-за стола и направляясь к выходу из комнаты для допросов. И, уже в коридоре, обернулся ко мне и добавил: – Ну что, Берта, прокатимся на Чистые пруды?

Я была не против. Кто же станет возражать против такой замечательной поездки? Чистопрудный бульвар утопал в летней зелени. По асфальту на роликах и самокатах носилась молодежь. А на лавочках сидели импозантные пожилые господа и интеллигентные, в старомодных шляпках и кружевных перчатках дамы в возрасте, с умилением взирая, как по водной глади, точно игрушечные, скользят утки и селезни, а между ними горделиво плывет белоснежный лебедь Яша.

Я знаю лебедя Яшу с тех самых пор, когда, неприкаянная, слонялась по Чистикам в поисках приключений, вступая в беседы с самыми разными людьми в надежде найти того, кто мне подарит искреннюю дружбу и, может быть, даже любовь. И однажды-таки нашла, как я наивно полагала, того самого человека, под его руководством свернув на скользкую криминальную дорожку. Если бы не Сирина, была бы я сейчас в местах, не столь отдаленных. Но о грустном думать не хочется. Тем более это давняя история¹.

Чистопрудный бульвар стремительно промелькнул в окне машины, и в самом его конце мы прижались на парковочный островок перед зеленым шестиэтажным зданием старинной постройки. Если верить надписи над дверьми, на первом этаже располагалась библиотека, а выше, судя по всему, был жилой дом. А напротив стояло как раз то самое строение, которое нам требовалось. Я и раньше видела этот дом, всегда поражаясь богатству лепнины. На протяжении всех четырех этажей желтые стены украшали прелестные алебастровые женские головки, искусно вылепленные хлебные колосья, банты и имитации колонн.

– Ох, и ничего себе! – выйдя из машины, присвистнул Рома, с ребяческим восторгом осматривая открывшееся перед ним пышное современное великолепие. Но тут же взял себя руки и деловито проговорил: – Значит, так. Спускаемся в подвал. Ты, Берта, осматриваешься на месте и никуда не лезешь, я беседую с продавцами.

В те времена, когда я здесь слонялась, подвал был заколочен. Теперь же над входом в так называемый «цокольный этаж» красовалась вывеска «Дом быта». Под вывеской бликовала на солнце стеклянная дверь, за которой уходили вниз ступеньки. Спустившись по лестнице, мы прошли мимо опущенных жалюзи мастерской, мимо запертого на замок прилавка хозяев и вошли в завешанный одеждой просторный павильон «Секонд-хенда», пропахший дезинфекционными химикатами. За стойкой сидела симпатичная шатенка средних лет, без особого интереса наблюдая за происходящим в зале. Несколько дам разного возраста скрупулезно, вешалка за вешалкой, перебирали представленные на накопителях тряпочки.

– Добрый день, – заученно улыбнулась продавщица, кивнув нам с Сириным, как кивала всем входящим в магазин.

– Здравствуйте, – буркнула я, озираясь по сторонам.

Роман устремился к стойке с кассой и весами и, понизив голос, осведомился у сотрудницы магазинчика:

– Вы не могли бы уделить мне пару минут?

– А что такое? – всполошилась женщина, белея.

¹ Подробнее в книге Марии Спасской «Сакральный знак Маты Хари», 2016 г.

– Не беспокойтесь, Нина, я не из налоговой, я представитель страховой компании, – улыбнулся Сирин. – По поводу ограбления в отеле на первом этаже этого дома. Слышали, наверное?

– Какой кошмар, – закивала продавщица тщательно уложенным каре.

Видя, что контакт налажен, я оставила Романа продолжать беседу, а сама направилась в дальний угол, ибо углядела там нечто примечательное цвета хаки. Самой мне военизированная одежда без надобности, но Добрыня сходит по подобной амуниции с ума.

Добрыня пришел в мой дом как компьютерный мастер, да так у меня и прижился. Высокий, рыхлый, с круглым добрым лицом, светлой бородкой, в защитной куртке и с рюкзаком за плечами, прямо с порога представился и рассказал, что отца его зовут Никита, поэтому он самый настоящий, не былинный, Добрыня Никитич. Серьезный и основательный Добрыня произвел на меня благоприятное впечатление, тем более что и я ему понравилась. Он прямо спросил, есть ли у меня парень, я честно призналась, что в данный момент парня нет, Добрыня сказал, что было бы славно попробовать пожить вместе, и я с головой окунулась в новые отношения.

Большую часть времени, когда не спал, мой не былинный герой восседал перед экраном монитора и создавал компьютерную игру на тему зомбиапокалипсиса. В ногах у него стоял рюкзак, снаряженный по всем правилам выживальщицкой науки, чтобы во всеоружии встретить момент, «когда начнется». В том, что конец света вот-вот наступит, Добрыня нисколько не сомневался, полагая, что это всего лишь вопрос времени. И поэтому запасался всем, что может пригодиться в экстремальных условиях постапокалиптической зимы. В моем кухонном шкафу были стопками уложены бесконечные пачки «Доширака», а на полу возвышалась пирамида из мясных консервов. Подобный пессимизм меня уже начал немного раздражать, но я уговариваю себя, что мой Добрыня – в общем-то парень хороший, а кто сейчас без недостатков?

Из задумчивости меня вывел запах. В принципе, в подобных магазинчиках он присутствует всегда, и запах этот весьма специфический. Сейчас же пахло свежей выпечкой. Оторвавшись от разглядывания кителей и свитеров военного блока НАТО, я обернулась и увидела девочку лет семи, деловито шествующую перед блондинкой в очках. Блондинка несла бумажный пакет, откуда, должно быть, и исходил умопомрачительный аромат. Дойдя до стула, девочка взгромоздилась на сиденье и, приняв у женщины пакет, строго сказала:

– Пока я ем булку, можешь, мама, заниматься своими делами.

– А потом? – автоматически откликнулась блондинка, проворными пальцами перебирая вешалки.

– А потом я буду бегать и баловаться, – откусывая от румяной булочки, безапелляционным голосом сообщило дитя.

Мать никак не отреагировала на это заявление, продолжая рассматривать трикотажные кофточки, с которых начиналась экспозиция павильона. Очень рассчитывая, что Добрыню порадует рубашка французского летчика – по размеру подходила только она, я выдернула вещь из плотного ряда военизированных доспехов и устремилась к прилавку, где все еще стоял Роман. Должно быть, разговор зашел в тупик, ибо продавщица упрямо повторяла:

– Говорю же вам, я закрылась в половине восьмого, как обычно. Что там Мишка болтает – понятия не имею. После закрытия не было у меня в павильоне никого.

Девочка доела булочку и достала другую. Глаза ее были устремлены на примерочные. Всего их было пять. Две примерочные, по краям, оказались заняты, в трех свободных раздвинуты занавески. Девочка смотрела на ту, что в центре. В этой примерочной зеркало было наклеено на слегка приоткрытую дверь, подпертую табуреткой.

– Ма-а-ам, – переставая жевать, крикнул ребенок, запихивая недоеденную булку обратно в пакет и слезая со стула, чтобы припуститься по павильону вскачь, жирными руками дергая за рукава и брючины.

– У? – не оборачиваясь, откликнулась блондинка.

– Если я не съела булочку до конца, ты же не подумаешь, что я ее не люблю? Я люблю, просто сейчас не хочу. Так что ты не ешь! – проносясь мимо матери, строго проорала девочка.

И вихрем понеслась в примерочную. Ту, что посередине. С дверкой, ведущей в зазеркалье. На пути ей встретился мужчина с ворохом рубашек, намеревавшийся занять заинтересовавшую дитятю кабинку, но малютка не оставила ему ни единого шанса, влетев туда первой и рванув на себя дверь.

Прижимая к груди рубашку французского летчика, я шагнула к примерочной и следом за озорницей сунула нос в темную прохладу двадцатиметрового подземелья. Здесь все оставалось, вероятно, так, как было сто лет назад, при постройке дома. Нештукатуренные стены красного кирпича, кирпичные сводчатые потолки, бетонные полы. Правда, полы были завалены вполне современными манекенами и мешками с вещами – должно быть, новый подвоз товара. Один из таких мешков, неплотно набитый, заботливо покрывала простыня. На ней покоилась подушка, рядом валялось откинутое одеяло.

– М-аа! А чья здесь кровать? – заголосила девочка. – Я тоже хочу в ней поспать! Чья? Ну скажи!

Сирин тоже заинтересовался кроватью.

– Так чья? – холодно спросил он, подходя к подсобке и внимательно рассматривая импровизированную берлогу.

Нина вздрогнула, покраснела и побежала в подсобку.

– Пошла отсюда, поганка! – налетела она на маленькую непоседу.

Ухватила за плечо и выволокла из примерочной, затем с грохотом закрыла дверь, задвинув ее табуреткой. И принялась выговаривать матери:

– Что же вы за ребенком не смотрите? Позволяете на ушах ходить!

– А что моя девочка такого сделала? – встала на защиту дочери невозмутимая до сего момента блондинка. – Всего лишь заглянула в открытую дверь. Вот если бы она залезла к вам в кассу...

– Тогда бы ты разговаривала не со мной, а с полицией, – отрезала Нина, от ярости переходя на «ты».

Блондинка задохнулась от возмущения, готовя в уме гневную отповедь. Я знаю такую породу матерей. В их лексиконе, обращенном к собственным чадам, не существует слова «нет». Они позволяют детям вытирать о себя ноги, но как только кто-нибудь из посторонних сделает их отпрыску замечание, тут же бросаются на его защиту, размахивая, как флагом, сентенцией «я мать, и лучше знаю, как нужно воспитывать моего ребенка!». И все вокруг, весь мир, должен войти в их положение, признавая право малолетнего свиненыша на дикие выходки, отравляющие окружающим жизнь. Похоже, Нина таких матерей тоже знала. И решила перейти в наступление первой.

– Выметайтесь отсюда обе, пока я не заявила о пропаже денег! Может, я храню недельную выручку в подсобном помещении, куда незаконно проникла твоя шkodливая девка!

Испуганная покупательница взяла со стула пакет с булками, свалила на освободившееся место отобранные кофточки, ухватила ретивую дочь за руку и повела из павильона, бормоча что-то о том, что запрещающих знаков на двери не висит, значит, заходить туда никому не возбраняется. А Нина вернулась к стойке и, искоса взглянув на Сирина, выдохнула:

– Ишь, обнаглели совсем. Думают, раз покупатели, все им позволено! Могут лезть, куда вздумается! Кот там живет. Рыж-Пыж. С утра до ночи в подсобке отирается. Иногда так затихнет среди мешков, кажется – и нет его вовсе. Но сосисочку все равно ему в миску кладу. Думаю, проснется – покусает.

– А это, значит, кошачья постелька?

– Ну да. Кошачья.

Продавщица сделала сосредоточенное лицо, подхватила протягиваемую седобородым мужчиной рубашку и положила в зеленую корзинку на весах.

– Сто сорок два рубля, – обыденно сообщила она, кинув быстрый взгляд на дисплей и всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Приняла из рук покупателя пятитысячную купюру, с вызовом протянула:

– А помельче нет?

Тот отрицательно покачал головой, и Нина, пробормотав: «А все жалуются, что живут бедно! А сами несут и несут пятитысячные!» крикнула в сторону коридора:

– Сан Саныч! Пятерку разменяешь?

И, послушав тишину, выдохнула:

– Опять наш мастер на все руки куда-то увистал! Сам объявление дал, что портниха требуется, и целыми днями где-то шатается. А если портниха придет, что я ей скажу?

Охая и причитая, Нина открыла кассу, наскребая сдачу.

За рубашкой последовала меховая безрукавка, брошенная на весы ярко накрашенной девицей. За девицей своей очереди дожидалась шикарно одетая дама с набитой вещами магазинной корзинкой.

– Всего хорошего, Нина, – понимая, что мешает торговому процессу, попрощался Сирин, направляясь к выходу и делая вид, что знать меня не знает. Еще немного посмотрев вещички, я вернула рубашку на место, решив, что без примерки брать опасно, и пошла следом за Ромой.

Задержавшись рядом с запертым «Домом быта», на опущенных жалюзи которого и в самом деле висело объявление о вакансии портнихи, я вышла из подвала. Постояла на улице, любуясь Чистопрудным бульваром, потянула на себя тяжелую дверь, рядом с которой золотым тиснением в лучах солнца сияла табличка «Отель на Покровке», и вошла внутрь.

Сирин стоял ко мне спиной, облокотившись на стойку ресепшна, за которой сидела хорошенькая зареванная девица с трогательным хвостиком на макушке, судя по всему – та самая Оксана.

– Михаил не виноват, – всхлипывала девушка, размазывая по щекам потекшую тушь.

На вид ей было лет двадцать, не больше. Отвечая на вопросы Сирина, она в волнении крутила дешевенькие серебряные кольца на детской руке и кусала пухлые губы.

– Его ни за что задержали. Это все я.

– Ну что вы, Оксана. Зачем вы на себя наговариваете? Не вы же напугали до смерти господина Архарова? Или вы?

– Нет, конечно! – испугалась девушка. – Но я обидела Мишку. Он рассердился и ушел, и на него теперь все думают, что это он ограбил постояльца.

Оксана смотрела на Сирина страдающими глазами раненой лани, тоскливо прикрыв рот ладошкой.

– У вас бывает много постояльцев? Или всегда так пусто, как сейчас?

– У нас всегда все занято. Люди бронируют номера на месяц вперед. Потому что недорого и в хорошем месте.

– А как получилось, что умерший Архаров оказался в отеле единственным постояльцем?

– В последний момент от брони отказались.

– Сразу от всей?

– Ну да. Делегация какая-то должна была заехать, но в последний момент передумала.

– Кто им бронировал номера?

– Сейчас скажу.

Девушка нагнулась к клавиатуре и забегала пальцами по клавишам компьютера, выводя на экран монитора нужную информацию.

– Вот, бронь заказал Женский Деловой центр. Адрес дать? Есть и телефон, если нужен.

– Буду очень признателен. Запишите на бумажке.

Сделав шаг в сторону, Сирин наступил на стоящее у конторки блюдо, пролив на паркет молоко.

– Извините, я вам тут напачкал, – проговорил он, оглядываясь на меня.

– Котика держите? – заулыбалась я, припомнив рассказ Нины о сосисочке в подсобке.

– Ну да, Рыжика подкармливаем, – смутилась администратор. – Интересный кот. Красивый и независимый. С разными глазами. Приходит и уходит, когда вздумает. И самым мистическим образом исчезает в той самой комнате, где скончался господин Архаров.

– Я взгляну на эту комнату? – спросил Сирин и, не дожидаясь разрешения, направился в глубь отеля.

– Последняя дверь справа, – проговорила Оксана, забежая вперед и указывая на нужную комнату.

Я устремилась следом за коллегой, на ходу прислушиваясь к Роминым рассуждениям.

– Комната покойного находится как раз над подсобкой «Секонд-хенда». Любопытно, Нина тоже рассказывала, что Рыж-Пыж прячется в ее подсобке так, будто кота там нет. Уж не убегает ли кот в такие моменты наверх?

– А если убегает, то что?

– То между подвалом и первым этажом есть лаз.

– Вполне возможно, – поддакнула я.

– И значит, нам нужно попытаться его найти.

– Угу.

Толкнув распашные двери, Рома шагнул в просторный светлый номер, залитый светом сразу из трех окон, и остановился, обводя взглядом интерьер. Выглядывая из-за его плеча, я тоже с любопытством осматривала широкую двуспальную кровать рядом с камином, овальный стол у противоположной стены, два изящных венских стула рядом со столом и удобные кресла с высокой спинкой. Кресла стояли на пушистом коврике, а за креслами высились заставленные книгами полки.

– Миленько, – протянула я. – Как в старые добрые дореволюционные времена.

– Напрасно смеетесь, – обиделась Оксана. – Между прочим, Лада говорит, что мебель сохранилась с тех самых времен.

– Кто такая Лада?

– Хозяйка отеля. Она в этой квартире родилась и выросла. Деловая женщина, хватка прямо-таки бульдожья. В двухтысячных расселила коммуналку, приватизировала квартиру на себя и сделала в ней отель. Так что про мебель она знает наверняка.

– Я и сам вижу, что номер буквально набит антиквариатом, – подхватил Сирин. – Не возражаете, если мы с коллегой здесь осмотримся?

– Да, пожалуйста. Смотрите, сколько хотите.

Администратор прошла вглубь комнаты и уселась в кресло. Роман двинулся к дальнему окну рядом с кроватью. Осмотрел подоконник, заглянул под кровать. Из протокола осмотра места происшествия следовало, что тело Архарова было обнаружено лежащим на кровати. Складывалось впечатление, что человек упал поперек матраса и умер. Поэтому Роман и начал осмотр с кровати и прилегающего к ней пространства.

Ни рядом с кроватью, ни под ней ничего интересного не обнаружилось, и Сирин двинулся дальше. Осмотрел книжные полки, сдвигая книги так, чтобы видеть стену, но и тут не нашел никаких следов похитителя бриллианта. Тогда он приблизился к камину и остановился перед ним в задумчивости, рассматривая девственно чистое каминное нутро.

– А что, камин на вашей памяти ни разу не топили? – обернулся он к Оксане. – Или так чисто отмываете после каждого использования?

– Вообще-то не топим. Похоже, он декоративный. Я как-то попробовала его растопить, и ничего не получилось. Поленья не хотели разгораться.

– Это потому, что не было тяги, – авторитетно заметила я.

Сирин уже осматривал внутренность камина, с любопытством трогая пальцем в самой его глубине, на правой стене, прямоугольный белоснежный след на потемневших от времени каминных плитках.

– А тяги не было потому, что камин не герметичен. В кладке имеется дыра, теперь чем-то закрытая и в настоящий момент незаметная. Но если хорошенько подумать, то можно понять, как тайный ход функционирует.

И Сирин принялся нажимать на плитку. В одной ему понятной последовательности он давил на каждую плитку в отдельности, а потом жал сразу на несколько, используя самые различные комбинации. Уютно поджав в кресле ноги, Оксана с любопытством следила за происходящим. Примерно через час она уже не так пристально смотрела на исследователя камина и даже сходила на кухню, принесла оттуда яблоко. Снова уселась в кресло и с хрустом принялась есть. К тому моменту, когда на ресепшне зазвонил телефон, она уже почти доела. Положив огрызок на подлокотник, администратор двинулась в прихожую.

Вдруг Рома резко распрямился и оглянулся на меня. Затем устремился к креслу, взял недоеденное яблоко, вернулся к камину и снова нырнул в его белоснежное нутро. Раздался глухой стук, как будто внизу что-то упало.

– Да что за напасть! – явственно послышался приглушенный крик Нины. – Кто там в подсобке озорует? Рыж-Пыж, это ты там лазишь?

– А вот и проход. Оказывается, ничего сложного. Комбинация третьей, пятой и седьмой плиток сдвигает боковую панель в сторону. Иди сюда, Берта.

Я подошла и сунула голову в камин, на освобожденное Сириным место. Да, так и есть. Белого прямоугольника с правой стороны внутри камина больше не было, его закрывала ревизка, имитирующая каминную кладку. Зато отлично просматривался опрокинутый на спину манекен, брошенный в подсобке «Секонд-хенда». Размер проема позволял пролезть человеку среднего телосложения, и я не преминула тут же воспользоваться ходом.

– Эй, Берта! – попытался остановить меня Рома. – Что творишь?

– Эксперимент провожу, – вырывая у коллеги руку и ощупывая ногами стену подвала, пробормотала я. – Следственный.

Перекрытия между подвалом и первым этажом были деревянные, и я, придерживаясь за темную от времени балясину, медленно спускалась вниз. Шаря ногами по кирпичной стене, я пыталась на что-нибудь встать, чтобы не свалиться. В какой-то момент поняла, что ощущаю ногами расшатанные металлические трубы, и с ужасом подумала, что будет, если ржавое железо не выдержит и труба под моим весом обломится. В подвал хлынет вода, зальет мешки с бараклом, поднимется шумиха, на Нинин крик сбегутся все-все-все. Оно нам надо? Не надо. Чтобы как можно меньше нагружать изношенные трубы, я перенесла вес тела на руки, практически вися на каминных плитках. И вдруг почувствовала, как плитка под моей ладонью сдвигается в сторону, образуя нишу размером с табачную бандероль.

– Ого, еще один тайник, – констатировал очевидный факт Роман. – И в нем какой-то мусор.

Я тут же дала задний ход, решив, что эксперимент вполне удался и очень даже возможно попасть этим путем из подвала в номер отеля и обратно. Меня снедало любопытство – что же за мусор в тайнике?

Мусором оказались останки не до конца сгоревшего дневника. В обуглившейся коленкоровой обложке каким-то чудом уцелел кусок обгоревшего листка с каллиграфически выведенными строчками: «...и решил рассказать ей о тайнике. Из них троих – а наблюдаю я за этими барышнями лет десять, можно сказать, с их самого рождения, – именно она мне кажется достойной преемницей моей. Несомненно, она – человек будущего. Ей и владеть доминатоном. 21.09.1995». На этом запись обрывалась, переходя в пепел.

– Вот он, результат многочисленных попыток разжечь камин, – осуждающе проговорил Сирин. – Ну, да что имеем, то имеем.

– А о каких барышнях идет речь?

– О тех самых, за которыми автор дневника наблюдал в девяносто пятом году двадцатого века. Тогда этим девочкам было по десять лет. Значит, барышни восемьдесят пятого года рождения. И в настоящий момент им по тридцать два года. Но это так, сухая арифметика. Может, пригодится, а может – нет. По-настоящему важно, что кто-то ночевал в подсобке «Секонд-хенда» и имел возможность оказаться в номере Архарова, чтобы похитить алмаз.

– Значит, нам нужен этот кто-то, – подвела я итог рассуждениям Ромы, вышедшего в коридор и следующего на непрекращающийся звон телефона.

– Очень нужен, – кивнул Сирин.

Оксана стояла за стойкой ресепшна, раздраженно глядя на изящную, явно дорогую сумочку.

– Лада сумку забыла, а у нее смартфон звонит! – сердито выдохнула администратор.

– А где она сама?

– В «Гамбринусе». Пошла выпить чашечку кофе. Так торопилась получить целебную порцию кофеина в кровь, что даже сумку забыла.

В голосе девушки прозвучала скрытая издевка, не укрывшаяся от наших ушей. Оценив ситуацию, Рома перегнулся через стойку, решительно забрал звенящую сумку из рук администратора, проговорив:

– Дайте, я отнесу вашей хозяйке. Мне все равно с ней нужно переговорить.

– Еще чего! – хмыкнула девушка, выходя из-за стойки и забирая сумку обратно, тем самым показывая, что она далеко не такая дурочка, какой хочет казаться. – Не думаете же вы, что я отдам Ладину сумку незнакомому человеку?

И Оксана, подхватив сумку, отправилась в соседнее заведение. Под звуки смартфона Сирин вышел следом за администратором и, миновав спуск в подвальчик «Дома быта», взял направление к следующей двери, за которой располагался «Гамбринус». Об этом извещали стилизованные под латиницу буквы красной вывески над баром.

– Заходим по одному. Я подойду к Ладе, а ты садись в сторонке и наблюдай, – тихо поучал меня коллега, глядя, как Оксана устремляется к столику с одиноко напивающейся женщиной. – Может, заметишь что-то интересное.

«Гамбринус» представлял собой милое заведение с учтивым официантом, проводившим меня за свободный столик по соседству с той самой дамой. Оксана уже передала сумку и теперь что-то терпеливо втолковывала хозяйке, показывая на Сирина рукой. Перекинувшись с барменом парой фраз, Рома тем временем купил бутылку коньяка и, когда галантно приблизился к столику, был принят новой знакомой с распростертыми объятиями. Оксана неспешно покинула бар, предоставив Ладе наслаждаться обществом Сирина.

Устроившись на предложенном месте, я заказала чашку кофе с шоколадным десертом и обвела глазами зал. Народу немного. Помимо Лады, в «Гамбринусе» была всего одна пара. А также юноша в бейсболке, погруженный в планшет. Я окинула взглядом юношу и, решив, что он ничего интересного собой не представляет, обернулась в сторону Сирина. Прислушавшись, уловила его вкрадчиво журчащий голос:

– Ответьте же на вызов. Ваш мобильный буквально разрывается на части.

Но хозяйка отеля, забрав сумку, упрямо игнорировала ни на секунду не замолкающий звонок.

– Плевать, – махнула она рукой. – Кому надо – перезвонит. А кому не надо – пусть идет ко всем чертям. Значит, вы из страховой компании. Как, вы сказали, вас зовут?

– Роман Сирин.

– Очень приятно. Я Лада. Лада Кенигсон.

Она церемонно протянула Сирину унизанную кольцами холеную руку и широко улыбнулась накрашенным ртом. Если бы не яркий макияж, короткая стрижка делала бы Ладу невероятно похожей на мальчика. Верхняя часть ее фигуры, обтянутая алой декольтированной блузкой, была безгрудой и узкоплечей, зато зад в широких шелковых шальварах цвета топленого молока казался невероятно объемным. Перед Ладой стоял фужер с коньяком, и женщина крутила его тонкую ножку в наманикюренных пальцах.

– Я, собственно, вот по какому вопросу, – проговорил Сирин, галантно принося губами к протянутой для поцелуя свободной от фужера руке дамы. – Скажите, Лада, вы осведомлены, что в камине номера «люкс» есть ход, ведущий из вашего отеля в подсобку «Секонд-хенда»?

– Вот даже как? Целый ход? Мы думали, это просто тайник.

– Кто это мы?

– Да мы с девчонками. Жанной и Надей. Это мои подруги. Мы с детства вместе. С Жанкой Фоменко мы даже жили в одной квартире. В той самой, в которой сейчас отель. А Надюшка Руева просто дура из соседнего дома, которая всегда была у нас на побегушках.

Подруг трое. Значит, скорее всего, они и были теми самыми десятилетними барышнями, за которыми много лет назад наблюдал автор спрятанного в камине сгоревшего дневника.

– И чей же это тайник? – допытывался Сирин.

– У Жанны был дед, обитавший в комнате с камином. Звали его Аркадий Борисович Вольский. Ну, знаете, такой благородный старичок, из бывших. Кажется, отец этого Вольского то ли строил наш дом, то ли украшал здание лепниной, в общем, имел возможность обустроить себе квартирку на первом этаже по собственному вкусу. Он и сделал в камине тайник. Вольский умер, когда мне было десять лет, но запомнился мне Аркадий Борисович очень старым и выжившим из ума, потому что день и ночь мастерил какой-то тетрахорд и при каждом удобном случае рассказывал нам, девчонкам, про спрятанный в тайнике доминатон. Вы ничего о доминатоне не слышали?

Сирин отрицательно покачал головой, и Лада оживилась. Допила коньяк, подлила из принесенной Сириним бутылки еще и продолжила:

– О! Это уникальная вещь. Флейта, при помощи которой гамельнский крысолов увел детей из города. Как вы понимаете, с помощью этого инструмента можно подчинить себе мир. И вот, представьте себе, флейта – доминатон, как называл ее старик, – по уверениям Аркадия Борисовича хранилась у него в тайнике. И каждой из нас – мне, Жанне и Надюшке, – Вольский обещал открыть секрет, где находится тайник, но так и умер, никому ничего не сказав. Мы тут недавно с Жанной как раз Аркадия Борисовича вспоминали.

Язык хозяйки отеля заплетался все больше и больше, но это не мешало ей после каждого глотка с завидной регулярностью пополнять свой бокал.

– Я всегда считал, что друзья детства не должны оставаться в прошлом, – запел соловьем Сирин, с дружелюбной теплотой глядя на собеседницу. – Многие рвут эти нити, а вы, Лада, такая молодец! Столько лет прошло, а вы поддерживаете отношения с подругами!

– Да ну, бросьте! – по-лошадиному фыркнула Кенигсон. – Какие там отношения! Я совершенно случайно встретила Жанну в нашем «Секонде», мы с ней порылись в тряпках, попили кофейку в «Гамбринусе», вспомнили былые времена, и больше я с ней не общалась. А с Надеждой и вовсе сто лет не виделась. Жанна рассказывала, что вроде бы Надюшка нарожала кучу детей от разных мужиков, поставила на себе, как на женщине, крест и молится на своих малюток. В общем, как была дурой, так дурой и осталась.

– А чем занимается Жанна?

– Понятия не имею. Не буду же я такие интимные вещи спрашивать! Но выглядит она хорошо. Ухоженная, прекрасно одетая. На дорогой машине. Наверное, имеет какой-нибудь собственный бизнес. А может, удачно вышла замуж.

Прислушиваясь к разговору, я ковыряла ложечкой шоколадный торт и размышляла.

Если Ладе старик Вольский ничего не рассказал про тайник, это не значит, что и другие подружки остались в неведении. Кто-то из них мог знать про ход в камине, договориться с неизвестным и организовать его проникновение в отель. А может, Лада не так проста? Может, она с детских лет знала о тайном проходе и только делает вид, что не в курсе?

– Почему эта девица так на меня смотрит? – вдруг раздался в полумраке зала пронзительный Ладин голос. Скинув с себя оцепенение, я торопливо отвела глаза от ее отечного лица и виновато взглянула на Сирина. Вот я дуреха! Едва не прокололась, задумавшись.

Рома даже не заметил моей оплошности. Он сидел, потрясенно глядя на воркующую парочку за дальним столиком. Присмотревшись, я покрылась холодным потом. Там была Ольга, жена Сирина. И с ней вертлявый фрик неопределенного возраста, невероятно напоминающий певца Леонтьева. Буйные кудри, желтая майка сетчатым неводом и алые атласные лосины. Ольга ему ласково улыбалась, что-то говоря, а фрик не сводил с ее лица обожающих глаз, жадно ловя каждое слово. Вот кавалер достал из рюкзака коробку духов и протянул их Ольге. Ольга прижала духи к груди и, перегнувшись через стол, чмокнула мужика в кудрявую макушку.

Затем сделала знак официанту, тот подошел к их столику и подал счет. Кавалер расплатился, помог Ольге встать из-за стола, закинул увесистый рюкзак на спину и, бережно придерживая подругу под локоток, вывел из бара. Направляясь к выходу, они глядели друг на друга, не отрываясь, и говорили, говорили, говорили. По сторонам они, само собой, не смотрели и, следовательно, ни меня, ни Романа не видели.

– Хочу домой! Вызовите такси! Пусть меня отвезет какой-нибудь хорошенький парнишка! – требовательно трясла за плечо впавшего в прострацию Романа собеседница. И, не дождавшись реакции, обращаясь к бармену, закричала: – Жень, позови Марка! Пусть Марк мне вызовет такси!

Из заднего помещения показался невысокий человек средних лет с франтоватыми усами и умопомрачительными бакенбардами. Устало закатив глаза, он устремился к столику пьяной скандалистки. Подошел, обнял за плечи и умиротворяющим голосом заговорил:

– Тихо, Ладушка, тихо, моя хорошая. Тебе нельзя такси, ты пристаешь к таксистам. Я уже позвонил Игорьку, сейчас он за тобой приедет и отвезет домой.

– Спасибо, Марк, ты один меня понимаешь. Ну, и Игорек, конечно, тоже. Ровно настолько, насколько такой мужчина, как Игорь, может понимать такую женщину, как я.

Рома поиграл желваками и, вскинув руку, взглянул на часы.

– Вы, как вас там... Можете идти, если торопитесь, – королевским жестом отпустила Сирина владелица отеля. – Я вас не задерживаю. За мной заедет жених.

Я видела, что больше всего на свете Рома хочет выскочить из бара и припустить следом за изменницей и ее приятелем, но профессионал поборол в нем ревнивого мужа, и Сирин учтиво пропел:

– Ну что вы, Лада. Я не могу оставить вас одну, да еще в таком состоянии.

– Это мое нормальное состояние, – отрезала женщина. – И вовсе я не одна. Со мной Марк. Я знаю его сто лет. Марк мой преданный поклонник. Когда-то мы были любовниками, но я дала ему отставку, и теперь Марк мне как подружка. Марк, признайся, ты до сих пор жалеешь, что я тебя отшила?

Обладатель необыкновенных бакенбард снова закатил глаза и сдержанно кивнул, успокаивающе поглаживая обтянутые красным трикотажем узкие Ладины плечи.

– Что ты молчишь? – повысила голос Кенигсон. – Я не слышу!

– Да, Ладушка, конечно, жалею, – промямлил Марк.

– Вот то-то же! Ты, Марк, размазня и тряпка. Ты вообще для меня не мужик. Ты как Валерик. Эй, мужчина! – тронула Лада за руку Сирина. – Мужчина, вы за меня заплатите?

Марк мне больше не наливает. А я хочу выпить за наше знакомство. Так куда мы едем? К вам или ко мне?

– Лада, перестань, – одернул ее Марк. – Игорь приедет и отвезет тебя домой.

Звякнул колокольчик над дверью, и в бар вошел смуглый брюнет среднестатистического типа. Чеканный профиль, чувственные губы и мужественный, хорошо выбритый подбородок как нельзя лучше гармонировали с выющимися, до плеч, темными волосами, откинутыми с высокого, хорошей лепки лба. Я сразу же отметила, что хоть он далеко не юн, но, судя по фигуре, как минимум, три раза в неделю посещает тренажерный зал, а также регулярно ходит в солярий.

Его синие глаза, ярко выделяющиеся на загорелом лице, сразу же отыскивали в полутемном зале Ладу, и мужчина устремился к икающей над недопитым коньяком Ладе. Я была потрясена и раздавлена. Этот красавец – Ладин жених? Разве так бывает? Она – так себе, на тройку с минусом, да еще запойная. А он – воплощение женских грез. И сразу видно, что человек он здравомыслящий и не верит в апокалиптические бредни. Мне вспомнился Добрыня, и я погрузилась еще больше.

Словно подтверждая мои слова, Игорь показал себя рационалистом до мозга костей. Он достал из кожаной сумки толстый бумажник, отсчитал наличные и начал поднимать из-за стола невесту. От выпитого коньяка та разомлела и оплыла, словно сгоревшая свечка, не желая вставать на ноги. А может, и желая, но не имея физических сил. Рома включился в поединок жениха с невестой, подхватив Ладу с другой стороны и не давая ей возможности выскользнуть из крепких Игоревых рук и завалиться на бок, что дамочка с достойным лучшим применением упорством пыталась проделать. Получив деньги, Марк сразу же скрылся в помещении за барной стойкой, не желая принимать участие в этом спектакле, должно быть, за долгие годы знакомства с мадемуазель Кенигсон уже успевшем ему надоесть.

Между тем зал постепенно наполнялся народом. На мужчин, волокущих к выходу сильно нетрезвую даму, оглядывались, громко смеясь и снимая на смартфоны. Сумку свою Лада снова забыла, на этот раз висевшей на спинке стула, и официант догнал троицу в дверях, чтобы повесить Ладину торбу Игорю на плечо.

– Пьющая баба – редкая гадость, – глядя вслед отъезжающей машине, в которой красавец жених увозил перебравшую невесту, проговорил коллега. Немного помолчал и очень тихо добавил: – И гулящая тоже. Ты видела, Берта, с кем она мне изменяет? Как муж я оскорблен! Хоть бы был нормальный мужик, а то какой-то стриптизер – точеные ляжки! В красных рейтузах и картофельной сетке из магазина «Пятерочка»!

– Полностью с тобой согласна, – откликнулась я. – Мне он тоже не понравился. На Леонтьева времен «Дельтоплана» похож.

– Так и прикопал бы его где-нибудь в лесополосе!

– Это лишнее, – поморщилась я. – Достаточно просто набить морду. Мужичонка он еще тот, сам загнется. А ты грех на душу возьмешь.

– Тоже мне, морализаторша выискалась, – обиделся Сиринов. – Я с тобой, как с родной, а ты меня грехами попрекаешь.

Больше он со мной не разговаривал. Страховщик ждал нас в машине. Дернув дверцу на себя, Сиринов плюхнулся на переднее пассажирское сиденье, дождался, пока я усядусь сзади, и сухо скомандовал:

– Поехали в офис. К Хренову.

– Узнали что-нибудь? – сворачивая открытые на экране смартфона окна интернета, возбужденно осведомился представитель заказчика.

– Кое-что выяснили, но говорить пока не о чем, – охладил его пыл Роман. Отвернулся к окну и погрузился в свои мысли.

– Что это с ним? – глядя в зеркало заднего вида, подмигнул мне страховщик. – Жену с любовником застукал?

Я удивилась. Как это некоторые, сами того не подозревая, зрят в самую суть? Сирин не удивился. Он еще больше расстроился.

– По лицу давно не получал? – хмуро выдохнул Рома, не отрывая напряженного взгляда от проносящихся в окне домов. – Делом займись. Следы, вон, за дорогой.

Представитель страховой компании, в свою очередь, тоже обиделся, насупился и всю дорогу молчал. Подъехал к жилому комплексу на берегу Москвы-реки и остановился перед шлагбаумом, демонстративно не захотев заезжать на территорию и всем своим видом давая понять, что он нам не извозчик. Пришлось вылезать из машины и остаток пути проделывать пешком.

Из бассейна, располагающегося напротив офиса, привычно и успокаивающе тянуло хлоркой, и я не без удовольствия отметила, что Сирина немного отпустило.

– Ладно, черт с ними, не буду никого убивать, – тихо проговорил он, открывая прозрачную дверь и входя в приемную. – Хочет – пусть живет с этим паяцем.

Секретарша Лиля встретила нас своим обычным вопросом:

– Что будете? Кофе или чай?

– Водку, и без закуски, – пробормотал Сирин, устремляясь в кабинет шефа.

Лиля кинула на меня недоумевающий взгляд, как бы спрашивая глазами, что с ним такое, но я лишь пожала плечами. И следом за Сириным шагнула в начальственный кабинет.

Владимир Ильич Хренов просматривал записи в блокноте. При нашем появлении отошел от своего занятия и впился изучающим взглядом в унылую физиономию коллеги.

– Деньги потерял? Машину разбил? Квартира сгорела? – принялся он сыпать вариантами возможных несчастий, из-за которых его друг и соратник выглядел, словно побитый пес. На все предположения Роман лишь отрицательно качал головой и омертвелыми губами чуть слышно повторял:

– Хуже.

– Да что же, чудак-человек, может быть хуже? – не выдержал Вождь. И, став серьезным, тихо спросил: – Умер, что ли, кто?

– Лучше бы она умерла, – выдохнул Рома.

– Что ты несешь, дурак! – оборвал друга Хренов. – Ольга, что ли?

– Ольга.

– Изменила?

– Не спрашивай.

– Вот! – просветлел лицом шеф. – Потому-то я и не женюсь! Зачем мне головная боль? Самое разумное для мужчины – жить с матерью. Накормит, постирает, утешит, голоса не повысит. И что бы я ни сделал – считает, что я всегда прав. Я для нее самый лучший, самый красивый, самый стройный и подтянутый. А жена бы сейчас начала нудить – и жирный-то я, и не в меру ехидный, и ни о ком, кроме себя, не думаю. Если и женюсь когда-нибудь, то на точной копии своей мамы. Моя матушка ни разу в жизни не была замечена ни в пристрастии к фитнесу со смазливymi инструкторами, ни в увлечении танго с горячими партнерами.

Семья Романа всегда мне нравилась и даже где-то вызывала белую зависть. Прямо хрестоматийное «папа, мама, я – дружная семья». Я очень сдружилась с Роминой дочерью Таней, а Ольга мне стала как старшая сестра. Жена Сирина научила меня готовить борщи и печь пироги и постоянно подсказывала, какой фильм для общего развития посмотреть, какие книги почитать. У них в доме всегда было тепло и уютно, и Рома души не чаял в своих девочках.

Но в мае Танюшка вышла замуж и уехала с мужем во Владивосток. И тут началось. Оказалось, что Ольга совершенно не может находиться дома одна, ибо Сирин с утра до вечера пропадает на работе, а Таня могла выходить на связь по скайпу лишь только поздним вечером. И

Ольга стала облюбовывать себе различные хобби. Дизайн интерьеров предшествовал фитнесу, а фитнес сменился занятиями танго, что Роме, конечно же, не понравилось. Ольга звала его с собой, но Сирий только отнекивался. Я тоже, честно говоря, не представляла себе сурового Роме, выделяющего фигуры аргентинского танца страсти. Но для собственного успокоения Сирий все-таки сходил на одно занятие. В основном, чтобы посмотреть, что там за контингент.

Успокоенный увиденным, Рома стал с чистой совестью отпускать Ольгу на эти ее занятия танцами. И вот – пожалуйста. Какой-то хлыщ в лосинах все же завладел ее сердцем.

– Со своей женой я как-нибудь сам разберусь. Нельзя ли перейти к делу? – сухо обронил Сирий.

– Ну вот, он еще и обиделся, – надул толстые губы Вождь. – Как будто это я виноват, что Ольга свистушка.

– Да замолчи ты!

– А что я такого сказал? Ладно, не хочешь слушать умного человека – не слушай. К делу так к делу. Я навел справки по скинутым тобой организациям и получил развернутые ответы, складывающиеся в занимательную картину. Во-первых, Женский Деловой центр, отказавшийся от брони, спонсировался не кем-нибудь, а известной нам фирмой из Архангельска, занимающейся алмазами. И именно покойный Архаров выступил инициатором этого спонсорства. Мало того, начальник архангельской службы безопасности со всей ответственностью заявляет, что Архаров не только знал руководительницу Центра, но и имел с Жанной Фоменко длительную интимную связь.

– Ты сказал с Жанной Фоменко? – почесал переносицу Роман.

– Как интересно, – подхватила я.

– Что же такого интересного в Жанне Фоменко? – удивился Хренов.

– Это одна из трех девочек, вертевшихся перед глазами старика соседа, жившего в коммуналке, где сейчас находится отель. Дед знал про ход в камине своей комнаты, ведущий в подвал дома. Вот, Володь, – Сирий протянул шефу обгоревшие остатки дневника, – я нашел это в камине.

Вождь прочитал останки записей и, убирая документ в папку, уточнил:

– Помимо барышень в дневнике говорится о доминатоне. Кто-нибудь знает, что это такое?

– Флейта гамельнского крысолова, – буркнул Сирий.

– Ходят слухи, что с ее помощью можно завладеть миром, – поддакнула я.

Хренов недовольно поморщился, отмахнувшись.

– Флейта никоим образом не проливает свет на пропажу алмаза, – раздраженно проговорил он. – Зато небезынтересен следующий факт. Просмотрев записи с видеокamer у круглосуточного бара «Гамбринус», нетрудно заметить, что вечером интересующего нас дня перед кабаком стояла машина все той же Жанны Ильиничны Фоменко. Наш почивший в бозе Архаров покинул «Гамбринус» около трех часов ночи. Был он в компании дамы и в руке держал початую бутылку спиртного. На видеозаписи запечатлено, как он вышел из бара и тут же зашел в отель. А дама села за руль и умчалась в ночь. Вопрос. Почему в протоколе осмотра места происшествия не фигурирует бутылка спиртного? Куда она делась?

– Действительно, любопытно. Полагаю, завтра с утра нужно ехать в отель и выяснять судьбу бутылки. А после мчаться в Женский Деловой центр и спрашивать у Жанны Ильиничны, для чего она сначала забронировала все номера в отеле, некогда бывшем коммуналкой, в стенах которой прошло ее детство, а потом от брони отказалась. И почему любовник Жанны Ильиничны Архаров вселился в пустой отель, хотя планировал остановиться в «Национале».

– Кто поедет?

– А ты как думаешь? – прищурился Хренов. И, как само собой разумеющееся, выдохнул: – Конечно, вы с Бертой.

– А ты?

– Я мозговой центр. – Шеф с тюленьей грацией похлопал себя похожими на ласты ладонями по круглому животу. – Анализирую поступающую информацию.

– Ну-ну, анализируй, – усмехнулся Сирин, поднимаясь и выходя из кабинета.

Со мной он даже не попрощался.

– Ну, а ты, Берта, что скажешь?

– А что мне говорить?

– Раз нечего сказать, иди домой.

Я представила, как приеду к себе, как увижу широкую, похожую на пузырь фигуру Добрыни, застывшую перед монитором ноутбука, его собранные в небрежный хвост давно не мытые волосы, осточертевший рюкзак в ногах. Услышу вместо приветствия невнятное «Эге», а потом полночи буду утрамбовывать в мусорном ведре разбросанные по всей квартире стаканчики от «Дошираков», и меня охватила тоска.

– Что-то не хочется.

– Из-за Добрыни? – понимающе осведомился Владимир Ильич.

– Ну да. Из-за него.

– Вот еще пример дурацкого союза, – с воодушевлением проговорил шеф. – Зачем он тебе нужен, этот парень? Ты девочка живая, энергичная, умненькая. А он – ты прости меня, Берта, – твоя полная противоположность.

– Противоположности сходятся, – осторожно заметила я.

– Тогда не удивляйся, если, следуя семейной традиции, вашего сына он назовет Путятя и соответственно по прошествии времени будет настаивать, чтобы ваш отпрыск назвал свою дочь не иначе, как Забава. Забава Путятична, внучка Добрыни Никитича. Ты готова к этому?

В кабинет, неся на подносе четыре чашки с дымящимся кофе, вошла Лиля. Пристроила поднос на край стола и, расставляя напитки, обиженно проговорила:

– Рома какой-то странный. Убежал, даже кофе не попил. А я специально для него варила. Крепкий. С корицей. Как он любит.

– У него душевная драма. Ольга в загул ушла, – многозначительно пояснил Хренов.

– Да вы что! – присела на краешек стула секретарша. И восторженно добавила: – Какой кошмар!

– Ну да. Кошмар. Сначала сойдутся, потом не знают, как вместе жить. Я Берте советую гнать Добрыню поганой метлой. Зачем ей этот бездельник?

– Не могу я его выгнать. Не за что. Он же, в принципе, безобидный. И по-своему обо мне заботится. Только его присутствие меня ужасно раздражает.

– А ты отправь его на дачу. Пусть там живет, – предложила Лиля.

– Нет у меня дачи, – хмуро откликнулась я.

– У меня купи.

– Да ты что, Лилька? – присвистнул Хренов. – Продаешь свою дачу? Ты же так о ней мечтала!

Секретарша злобно сверкнула глазами и в сердцах выдохнула:

– Дура была, вот и мечтала. Нет больше моих сил! Каждые выходные и праздники, хочешь не хочешь, а будь добра туда тащиться! Стоишь в пробке, как последняя идиотка, и деться некуда. Ни в туалет сходить, ни ноги размять. И так три часа. Приехали уставшие – надо с дорожки выпить. Стол накрываем, садимся и до утра гудим. К обеду встали, голова шире плеч, а надо на огород. Пахать. Ну как же! Огурчики свои нужны? Нужны. Клубничка? Картошечка? Для этого вскопай, посади, удобри, прополи, собери и законсервируй. Не отдых – каторга. А расходы? Василий мой электроплуг себе за сто тысяч купил. А к нему насадки. Еще на сорок тысяч. Забор в прошлом году поставили, беседку. Колодец выкопали и выгребную яму.

В кредиты влезли – страшно подумать, сколько каждый месяц банкам отдаем. Ну ее к черту, эту дачу! Хоть отдохну без нее по-человечески.

– А где хоть дача-то? – уточнила я.

– Под Дмитровом. Глушь, леса одни. От нашего дачного товарищества до ближайшей деревни три километра по проселку. А до станции все пять. С вещами без машины ни за что не добраться. Зато красотища невозможная.

– И сколько хочешь денег? – заинтересовался Хренов, всем телом подаваясь вперед. – Мне тоже дача нужна. Я бы маму туда на лето вывозил, пусть цветы разводит.

– Вы же только что рассказывали Роме, как с мамой живете душа в душу! – не удержалась я.

Хренов осуждающе глянул на меня и недовольно выдохнул:

– Исключительно для маминой пользы.

Я представила, как поселю в дикой дмитровской глуши безлошадного Добрыню и стану к нему раз в месяц наезжать. Привозить «Дошираки» и следить, чтобы он совсем не одичал. А выживальщик будет бродить по лесу, размышляя, как эффективнее выжить в сложных условиях постапокалипсиса, а в свободное от глобальных дум время создавать свою игру. В общем, чудесный вариант, наилучшим образом устраивающий нас обоих.

– Нет уж, Владимир Ильич, руки прочь от Лилиной дачи! – не обращая внимания на недовольство начальства, выпалила я. – Я уже ее беру!

– Берта, ты, правда, согласна? – оживилась Лиля. – Вот здорово!

– А почему бы и нет? Надеюсь, Добрыне там понравится. Вопрос цены.

– Ой, Берта! Я много не прошу! Только на то, чтобы погасить кредиты.

– А это сколько?

– Двести пятьдесят тысяч.

– Годится.

– Ну вот, как все славно устроилось. – Шеф хлопнул ладонями по коленям. – А теперь, девочки, по домам. И, выбираясь из кресла, задумчиво протянул:

– И все же что это за штуковина такая – доминатон? Ишь, как завернули – при помощи флейты завоевать мир. Ну и глупость! Чего только люди не придумают!

* * *

Акры, XIII век

– Как по мне, так прибыльнее всего карать во имя Господа нашего Иисуса Христа иудеев, – сплюнув в пылающий костер, проговорил барон фон Ливениталь.

Приблизив к глазам широкую нечистую ладонь, барон – здоровенный детина в ослабленных рыцарских доспехах, – с интересом рассматривал усыпанную бриллиантами крупную пряжку в форме звезды и полумесяца.

– Черт знает! Никогда не поймешь, на кого нападаешь. Захватывали вроде, иудейский караван, а на убитой бабенке – мусульманская стекляшка.

– С убитых всадников я снял сарацинские доспехи, – поддакнул оруженосец рыцаря.

– А, все едино, что иудеи, что мусульмане. Папа Урбан² про всех говорил, что это дьяволопоклонники, и нет им места на Святой земле.

Вдоволь насмотревшись на пряжку, Уго фон Ливениталь спрятал переливающуюся в отблесках костра драгоценность в переметную суму, вскинул налитые кровью глаза на сидя-

² Урбан Второй – папа римский. Инициатор крестовых походов.

щего напротив худого юношу и блаженно, с хрустом потянувшись, оскалил в улыбке крупные желтые зубы:

– Что ни говори, а против мусульман иудеи не в пример богаче, хотя и с причудами. Ты, студизоус Йозеф, – давно небритое лицо барона скривилось в презрительную гримасу, – не первый год в походе, а до сих пор ни черта не смыслишь в жизни. Ни на один золотой не обогатился. Только и делаешь, что скупаешь пленных стариков. На кой черт они тебе сдались? Или ты предпочитаешь в любовных утехах старых иудеев, а не их молоденьких дочерей?

Откинувшись на полог своего шатра, барон раскатисто захохотал, подмигивая сидящим у соседних палаток товарищам по походу, в то время как ставший предметом насмешек юноша невозмутимо помещивал исходящее паром варево в котелке над огнем.

Йозеф Крафт привык к постоянным насмешкам. Он действительно большую часть заработанных лекарским ремеслом денег тратил на приобретение древних старцев – обладателей иудейской мудрости. В крестовый поход на Святую землю начинающий медик отправился с одной-единственной целью – добраться до затерянного на востоке города Исфахана и поступить в обучение к великому Абу Гамеду.

Это решение родилось и окрепло в душе юноши в тот момент, когда на его глазах с муками умерла от болезни живота мать, самый родной и близкий человек. Все свои надежды и чаяния отец мальчика вложил в старшего сына, видя в нем продолжателя купеческого дела, младший же, Йозеф, почти находился с набожной матушкой. С раннего утра до поздней ночи матушка молилась Иисусу Христу, и Йозеф охотно следовал ее примеру. В одно недоброе пасмурное утро Йозеф заглянул в домашнюю молельню и не застал матушку на привычном месте перед распятием. Йозеф нашел ее лежащей в кровати, ослабевшей и бледной. Приглашенный врач, растерянно разводя руками, виновато протянул:

– К сожалению, заболевания внутренних органов лечить я не умею. Да и никто в нашем городе не возьмется вылечить эту болезнь. Вот если бы больную взялся ползывать Абу Гамед из Исфахана или хотя бы кто-нибудь из его учеников...

Кинувшись в молельню, Йозеф растянулся на полу перед распятием и, обливаясь слезами, стал умолять доброго Иисуса пощадить его мать и даровать ей жизнь. Проведя день в слезах и молитвах, юноша вернулся в матушкину опочивальню и увидел, что больная умирает. Он больше не просил ни о чем бога. Глядя на заострившиеся черты любимого лица, с каждой секундой становившегося все более далеким, холодным и мертвым, юноша совершенно отчетливо осознал, что больше не верит во всемогущество Христа, не сумевшего – или не захотевшего? – спасти ту, которую он так любит. А также понял, что готов отдать не только жизнь, но и бессмертную душу, чтобы стать врачом, подобным Абу Гамеду.

Сразу же после похорон Йозеф Крафт упрямил отца послать его на обучение в Прагу. После двух лет учебы в университете будущего лекаря отчислили за богохульство и осквернение могил. На Йозефа донес красноносый могильщик, посуливший раскопать свежее захоронение и добыть для изучения еще не разложившийся труп. В тот раз все обошлось. Благодаря вмешательству отца, заплатившего за сына немалые деньги, дело замяли, но из университета попросили удалиться. И вот тогда с новой силой юношей овладело желание научиться лечить даже те болезни, которые покоряются только арабским мудрецам.

Само собой, уроженец Германии, Йозеф отдавал себе отчет, что попытка постигнуть тайну восточных лекарей непременно будет обречена на провал, ибо европейцу никто не станет открывать секреты древней науки. А вот иудею станут. Иудеев уважают на востоке, для них в Исфахане уготованы самые разные пути. А для того, чтобы назваться иудеем, всего-то и нужно, сделать обрезание, выучить их язык и усвоить основные традиции. Прогневать Иисуса Христа вероотступничеством он не боялся – бог, не пощадивший самую преданную свою рабыню, умер в душе Йозефа в тот же миг, когда остановилось матушкино сердце.

Вскоре возможность для этого хитроумного предприятия представилась самая что ни на есть замечательная, а именно – очередной крестовый поход, собираемый князьями церкви по городам и весям ослабленной непрекращающимися феодальными междоусобицами Европы. Сначала папа Урбан Второй, а после его кончины и остальные отцы церкви кинули клич – «Все на защиту Гроба Господня!».

И в самом деле, если удельные князьки все равно друг друга убивают в стычках за клочок земли, то пусть они лучше направят свои силы на Восток и бьют сарацинов, которыми руководит султан Саладияр, покинувший Дамаск и по-хозяйски обосновавшийся в Иерусалиме. Йозеф объявил отцу о намерении отправиться в Святую землю и тут же получил отличное снаряжение – коня, доспехи и деньги на дорогу. Оставалось примкнуть к свите какого-нибудь благородного рыцаря, направляющегося в Иерусалим, и можно было считать себя крестоносцем. Днем Йозеф двигался в сторону Мекки, а на ночь останавливался в придорожных трактирах, где в один из привалов и познакомился с так необходимым ему рыцарем.

Шумный, горластый, окруженный вооруженными вассалами, в день их судьбоносной встречи Уго фон Ливениталь расположился за длинным столом придорожной харчевни и подкреплялся жареной бараниной, обильно заливая ее пивом. Увидев входящего в низкие двери Йозефа, он стукнул кружкой по столу и проревел:

– Ну, вот и добрый соперник позжаловал! Эй, рыцарь! Вызываю тебя на поединок! Я, барон фон Ливениталь, желаю биться с тобой пешим или конным, на ручных мечах или мечах ножных! Выбирай оружие!

– Вы ошибаетесь, господин, – учтиво проговорил Йозеф. Высокий, статный, он и в самом деле производил впечатление благородного сеньора. – Я не рыцарь, и вы не можете со мной биться на равных.

– Кто же ты, кабан тебя дерит? – вскинул брови развалившийся за столом гигант, рассматривая широкоплечую фигуру собеседника в добротных кожаных доспехах, которые пришло носить дворянину.

– Йозеф Крафт, начинающий медик, ваша светлость.

– Начинающий? – недоверчиво переспросил барон. – Как это понимать? Студизус, что ли?

– Можно и так сказать, – уклончиво отвечал юноша, снимая шляпу. – На доктора я так и не выучился, но в Святой земле, куда я направляюсь, мои скромные знания могут быть полезны.

– Ты держишь путь в Иерусалим, студизус Йозеф Крафт? – Кружка ударила по дереву стола. – Вот так удача! Присоединяйся к моему отряду, личный врач мне не помешает!

Барон толкнул со скамейки сидевшего рядом сотрапезника из подручных и указал на освободившееся место.

– Присаживайся, Йозеф, поешь со мной, – требовательно проговорил рыцарь. – Соглашайся, не пожалеешь! Буду платить тебе золотом, и харчи за мой счет.

– Благодарю вас, ваша светлость, с радостью приму столь великодушное предложение, – склонил голову юноша, направляясь к столу.

Пока Йозеф вел приятную беседу с рыцарем, мальчишка-слуга деловито заносил в помещение его нехитрый скарб – переметные сумы с провиантом и набором медицинских инструментов. Тем же вечером барону потребовалась медицинская помощь. Йозеф терпеливо держал перед ним таз, стараясь не смотреть на содержимое желудка, с нечеловеческим рычанием изрыгаемое Уго, а затем заботливо поил обжору-рыцаря отваром целебных трав.

Путь до Иерусалима длился без малого три года, и в тех землях, по которым проходил отряд барона, множились погромы и разрушения. Харчи и предметы первой необходимости вассалы фон Ливениталья без долгих разговоров отбирали у селян, и в первое время Йозеф отказывался есть ворованное. Но чем ближе они подходили к Иерусалиму и чем больше им

на пути встречались отряды крестоносцев из самых разных земель, тем отчетливее лекарь видел, что разбой и грабеж – обычная практика и по-другому Христовы войны не мыслят своего существования. Где-то в глубине души Йозеф ликовал – ведь он был прав, когда отрекся от бога! Господь и в самом деле либо сошел с ума, либо умер, если попускает такую несправедливость!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.